

Ангел Богданович

Памяти В. Г. Белинского

Ангел Иванович Богданович Памяти В. Г. Белинского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5676507

Аннотация

«Что бы ни случилось съ русской литературой, какъ бы пышно ни развивалась она, Бѣлинскій всегда будетъ ея гордостью, ея славой, ея украшеніемъ. До сихъ поръ его вліяніе ясно чувствуется на всемъ, что только появляется у насъ прекраснаго и благороднаго; до сихъ поръ каждый изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей сознается, что значительной частью своего развитія обязанъ, непосредственно или посредственно, Бѣлинскому. Въ литературныхъ кружкахъ всѣхъ отгѣнковъ едва ли найдется пять-шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей, которыя осмѣлятся безъ уваженія произнести его имя...» *Произведение дается в дореформенном алфавите.*

Содержание

А. И. Богдановичъ

Памяти В. Г. Бѣлинскаго.

«Что бы ни случилось съ русской литературой, какъ бы пышно ни развивалась она, Бѣлинскій всегда будетъ ея гордостью, ея славой, ея украшеніемъ. До сихъ поръ его вліяніе ясно чувствуется на всемъ, что только появляется у насъ прекраснаго и благороднаго; до сихъ поръ каждый изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей сознается, что значительной частью своего развитія обязанъ, непосредственно или посредственно, Бѣлинскому. Въ литературныхъ кружкахъ всѣхъ отгѣнковъ едва ли найдется пять-шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей, которыя осмѣлятся безъ уваженія произнести его имя».

Такъ сорокъ лѣтъ тому назадъ писалъ Добролюбовъ о Бѣлинскомъ по поводу выхода перваго собранія его сочиненій, и эти слова не теряютъ своего значенія и теперь, когда прошло полстолѣтія со дня кончины великаго русскаго писателя. Даже болѣе,— если Добролюбовъ все же счелъ нужнымъ отмѣтить «пять-шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей», то нынѣ едва-ли найдется хоть одинъ человекъ въ «литературныхъ кружкахъ», который сталъ бы отрицать значеніе Бѣлинскаго или отказалъ бы ему въ уваженіи. Имя Бѣлинскаго играетъ въ литературѣ такую же роль теперь, какъ имя Пушкина, соединившее на празднествѣ 80 года всѣхъ около себя,

примирившее всѣ направленія. Нѣтъ теперь двухъ мнѣній о немъ, и въ этомъ мы видимъ великое торжество тѣхъ началъ, провозвѣстникомъ которыхъ выступилъ въ литературѣ Бѣлинскій, которыя онъ выстрадалъ и за нихъ пострадалъ не мало.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій былъ сыномъ флотскаго врача и родился въ маѣ или февралѣ 1810 г. въ Свеаборгѣ, во время стоянки тамъ флотскаго экипажа, въ которомъ служилъ его отецъ, происходившій изъ духовнаго сословія. Дѣдъ Бѣлинскаго былъ священникомъ въ селѣ Бѣлыни, Пензенской губерніи, Нижнеломовскаго уѣзда, откуда и фамилія Бѣлинскій, передѣланная затѣмъ въ «Бѣлинскій». Дѣтство его протекло въ родной губерніи, въ уѣздномъ городѣ Чембарѣ, гдѣ продолжалъ службу его отецъ въ качествѣ уѣзднаго «штабсъ-лекаря». Насколько можно судить по скуднымъ воспоминаніямъ, дѣтство Бѣлинскаго протекло въ родной семьѣ довольно сносно. Отецъ былъ для своего времени человѣкомъ развитымъ и понималъ даровитую натуру ребенка, отличалъ его остроуміе, поощрялъ раннюю пытливость его и вскорѣ научился уважать его голосъ. По словамъ г. Пыпина, «между ними была симпатія, благотѣльно дѣйствовавшая на обоихъ въ рѣзкихъ случаяхъ. Виссаріонъ еще юноша, въ виду домашнихъ несогласій, сталъ заявлять свой голосъ, высказывать отцу свои укоры, и отецъ выслушивалъ ихъ, не негодовалъ, не оправдывался: очевидно, голосъ сына онъ принималъ съ уваженіемъ». Мать была женщина про-

стая и необразованная; всѣ заботы ея ограничивались тѣмъ, чтобы прилично одѣть и накормить дѣтей.

Вообще, семья не могла дать особаго поощренія талантливому мальчику, но главное – не стѣсняла и не мѣшала развитію его даровитости, что было уже большимъ счастіемъ въ то время, если принять во вниманіе обстановку глухой провинціи съ ея дикими взглядами на воспитаніе и не менѣе дикими нравами. Пензенская губернія и теперь самый глухой уголокъ Россіи, – можно представить, чѣмъ былъ какой нибудь Чембаръ сто лѣтъ тому назадъ. Большимъ счастіемъ для Бѣлинскаго была эта мягкая семейная атмосфера, въ которой онъ могъ чувствовать себя свободнымъ, гдѣ его не гнули въ бараній рогъ, слѣдуя домостроевскимъ традиціямъ патріархальной семьи, и теперь еще процвѣтающимъ у насъ въ разныхъ Чембарахъ, Зашиверскахъ и Тмутараканяхъ.

Бѣлинскій очень рано научился читать и страстно отдавался чтенію и дома, и въ уѣздномъ училищѣ Чембара, гдѣ продолжалось его обученіе. И здѣсь онъ попалъ въ сравнительно хорошія условія, благодаря мягкому и доброму смотрителю училища. Изъ времени пребыванія его въ училищѣ сохранился любопытный рассказъ Лажечникова о школьникѣ Бѣлинскомъ. «Въ 1823 г., – рассказываетъ Лажечниковъ, бывший тогда директоромъ училищъ Пензенской губерніи, – ревизовалъ я Чембарское училище. Во время дѣлаемаго мною экзамена выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12-ти, котораго наружность

съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Любовь его была прекрасно развита, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ между тѣмъ на лицо казался старше, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно. На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ легко, скоро, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большею частью, своими словами, прибавляя то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его. Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ».

Талантливость маленькаго Бѣлинскаго сказывалась, какъ видно, очень рано, а его начитанность давала ей обильную пищу. «Еще будучи мальчикомъ,— пишетъ Бѣлинскій одному изъ своихъ друзей,— я, въ огромныя кипы тетрадей, неумоимо, денно и ночью безъ всякаго разбору списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Державина и проч.; я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину рошу», писалъ баллады и думалъ, что онъ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я сходилъ тогда съ ума».

Какъ въ училищѣ, такъ затѣмъ и въ пензенской гимназій, куда Бѣлинскій поступилъ въ 1826 г., онъ настолько своимъ

развитіємъ опережалъ образованіе, даваемое школой, что по существу ему здѣсь нечего было дѣлать. Понятно, что и гимназія не увлекала его ни мало, и онъ продолжалъ учиться по своему, съ еще большей, чѣмъ раньше, жадностью накидывался на чтеніе и страшно увлекался уже тогда театромъ. Одинъ изъ его тогдашнихъ учителей, Поповъ, сохранилъ о немъ воспоминаніе, какъ о плохомъ гимназистѣ, но чрезвычайно даровитомъ мальчикѣ. «Многое мимоходомъ запало въ его крѣпкую память, многое онъ понималъ самъ, своимъ пылкимъ умомъ, еще больше набиралось въ немъ свѣдѣній изъ книгъ, которыя онъ читалъ внѣ гимназіи... Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ... По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неровный мнѣ, но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ». Но Бѣлинскій не только глоталъ книги, какъ многіе даровитые и любознательные юноши, — онъ очень критически и вдумчиво относился къ книгѣ и чужому мнѣнію. Какъ въ послѣдствіи онъ ничего не бралъ на вѣру и, страшно увлекаясь, въ то же время выхватывалъ изъ предмета его сущность, такъ и въ своихъ юношескихъ отношеніяхъ сохранялъ самостоятельность и самодѣятельность. Тотъ же Поповъ говоритъ, что «Бѣлинскій не поддавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта

Пушкина, онъ качаль головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте подумаю, дайте еще прочту». Если же съ чѣмъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшной силой: «совершенно справедливо».

Въ юности, мы видимъ, уже складывались будущія черты Бѣлинскаго – искателя истинныхъ путей, піонера свободной мысли и критическаго отношенія къ дѣйствительности, упорнаго и страстнаго борца за свои убѣжденія, за то, что онъ считаетъ святымъ. Тогда же зародилась страсть къ театру, отличавшая Бѣлинскаго впослѣдствіи и которой литература обязана единственными по глубинѣ и силѣ статьями объ игрѣ Мочалова. Бѣлинскій-гимназистъ тратилъ всѣ свои скудныя средства на театръ, дѣлалъ займы для той же цѣли, для удовлетворенія своей исключительной по силѣ и страстности любви къ театру, о которомъ онъ впослѣдствіи пишетъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ»: «Театръ! Любили ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т. е. всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, въ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? О, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!»

При такомъ направленіи ума, способностей, склонностей, понятно, Бѣлинскій мало удовлетворенія находилъ въ гимназіи, откуда и былъ исключень черезъ три года «за нехож-

деніе въ классъ». Такъ же мало далъ ему и университетъ, куда Бѣлинскій поступилъ въ концѣ лѣта 1829 г. На первое время онъ увлекался обстановкой, товариществомъ, но уже къ концу перваго года пустота и ничтожество тогдашней университетской науки отшатнули Бѣлинскаго отъ профессорскихъ лекцій, и онъ снова вернулся къ прежнему источнику, утолявшему его духовную жажду, — къ самостоятельному чтенію, размышленію и спорамъ въ небольшомъ, тѣсномъ кругѣ избранныхъ товарищей, и къ театру, гдѣ въ то время на московской сценѣ подвизались такіе таланты, какъ Щепкинъ и Мочаловъ. Во время студенческой жизни умъ его насыщался и работалъ неутомимо, мужалъ и крѣпчалъ. Складывались основныя черты будущаго критика, намѣчались тенденціи, руководившія имъ потомъ всю жизнь. Читая «Бориса Годунова», Бѣлинскій приходитъ въ неистовый восторгъ отъ сцены въ корчмѣ, онъ вскакиваетъ, бросаетъ книгу, опрокидываетъ стулъ и восторженно восклицаетъ: «да это живые; я видѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно?» Это — та же до болѣзненности доходящая впечатлительность, которая отличала Бѣлинскаго всегда, заслуживъ ему прозвище «неистоваго Виссаріона». Краткое пребываніе въ университетѣ было полезно ему въ одномъ лишь отношеніи, давъ ему почти два года свободнаго времени, которые были цѣликомъ посвящены работѣ надъ своимъ развитіемъ, самообразованію въ истинномъ и широкомъ значеніи этого слова. Но университетъ самъ по себѣ ничего не далъ ему, кромѣ лекцій

Надеждина, котораго онъ, впрочемъ, слушалъ очень недолго, но лекціи его не прошли для Бѣлинскаго безслѣдно, хотя и не имѣли такого рѣшительнаго вліянія, какъ полагали раньше.

Бѣлинскій былъ типичный самоучка, обязанный исключительно своей энергіи, своей страстной любви къ знанію и литературѣ и особой, творческой способности по одному обрывку, по кончику нитки добратъся до цѣлаго, охватить его разомъ и претворить въ цѣльное и ясное представленіе. Его упрекали иногда, что у него нѣтъ систематическихъ знаній ни по одному предмету, о которыхъ онъ писалъ, и это вѣрно. Но у него было нѣчто большее: была энергія мысли и чувства, которая не позволяла остановиться и успокоиться на чемъ-либо, постоянно толкала къ новой работѣ, къ новымъ исканіямъ. «Упорствуя, волнуясь и спѣша», гениальный самоучка поглощалъ все, что отвѣчало этому стремленію, безъ системы, безъ разбора, и среди этого хаоса проложилъ вѣрную дорогу для бѣдной русской мысли, не потерялся тамъ, гдѣ несравненно болѣе образованные, съ самыми систематическими знаніями, застряли въ трясинѣ, либо пришли къ рѣшительному выводу о спасительности старины, кнута и татарской мурmolки. Нѣтъ ничего несправедливѣе этихъ упрековъ по адресу такихъ натуръ, какъ Бѣлинскій, въ отсутствіи системы, въ недостаточной дисциплинѣ ума. Тогда какъ вся сила ихъ заключается именно въ томъ, что ихъ нельзя уложить ни въ какую систему, потому что система всегда огра-

ничена, всегда узка и одностороння. Такіе умы безпредѣльны; они вбирають въ себя все окружающее и претворяють невѣдомымъ, непостижимымъ образомъ въ идеи, которыя, какъ откровенія, освѣщаютъ хаосъ смутныхъ и неясныхъ образовъ и служатъ маяками въ жизни. Они создаютъ новую науку, новое искусство, новую религію, смотря по тому, куда влечетъ ихъ геній, неспособный примириться съ существующимъ, которое его не удовлетворяетъ. Они истинная соль земли, въ нихъ, какъ лучи въ фокусъ, сосредоточивается высшее напряженіе духовныхъ силъ данной эпохи даннаго общества.

Университетъ не далъ ничего Бѣлинскому, и послѣднему скоро пришлось и совсѣмъ оставить его. Поводомъ послужила драма «Дмитрій Калининъ», сущность которой составляетъ протестъ противъ крѣпостнаго права. Какъ литературное произведеніе, драма была крайне неудачной, ходульной, напыщенной и риторической вещью, хотя самъ авторъ былъ о ней весьма высокаго мнѣнія и на ея успѣхъ строилъ весь планъ будущей жизни. Мечты его разлетѣлись прахомъ очень быстро, и дальше цензурнаго комитета драма не пошла. Но, по словамъ г. Пыпина, «цензурныя власти совпадали тогда съ университетскимъ начальствомъ, и неблагопріятное мнѣніе, составленное объ авторѣ пьесы, отразилось на студентѣ. Цензурная власть и въ то же время ректоръ университета Двигубскій пригрозилъ студенту за дерзкія мысли. Хотя Бѣлинскій написалъ послѣ домой, что положеніе его

улаживается, но впечатлѣніе его «дерзости» сохранилось, и по всѣмъ отзывамъ, какіе намъ приходилось читать и слышать, трагедія имѣла положительную роль въ исключеніи его изъ университета». По вѣрному заключенію г. Протопопова, трагедія, если и не была поводомъ, то явилась «серьезной причиной» исключенія, которое и состоялось въ половинѣ 1882 г.

Бѣлинскій былъ слишкомъ определенъ, слишкомъ неспособенъ къ тому режиму, который прежде всего требовалъ приспособленія отъ студентовъ, а Бѣлинскій никогда не могъ приспособиться къ жизни. Въ гимназіи онъ не ужился и былъ исключенъ «за нехождение въ классъ», въ университетѣ тоже, и опять исключеніе «за неспособностью». Шестнадцать лѣтъ спустя то же неумѣніе приспособляться свело его преждевременно въ могилу въ такіе годы, когда большинство испытываетъ расцвѣтъ силъ. «Бѣлинскій, — говоритъ г. Протопоповъ, — былъ «не ко двору» въ своемъ уѣздномъ городишкѣ, «не ко двору» въ гимназіи, «не ко двору» въ университетѣ, да не ко двору и въ русской дѣйствительности: его настоящее мѣсто было въ храмѣ идеала, у подножія богини Истины, и онъ бывалъ страненъ, нелѣпъ и смѣшонъ, выходя оттуда, въ своемъ молитвенномъ, благоговѣйно-страстномъ настроеніи, на нашъ житейскій базаръ. Причина всѣхъ причинъ и всѣхъ поводовъ къ его исключенію лежала именно здѣсь, въ несоединимыхъ свойствахъ нашей жизни и его нравственной природы».

На самого Бѣлинскаго исключеніе, въ связи съ погибшими надеждами на успѣхъ драмы, подѣйствовало удручающимъ образомъ, но не надолго. Матеріальное положеніе его было болѣе чѣмъ бѣдственное; и какъ существовалъ Бѣлинскій по выходѣ изъ университета, можно представить по нѣкоторымъ отрывкамъ изъ его писемъ. Вообще, Бѣлинскій рѣдко жаловался на матеріальныя стѣсненія, хотя и любилъ иногда мечтать объ обезпеченномъ положеніи. Уже черезъ годъ онъ пишетъ съ увѣренностью, что никогда и нигдѣ не пропадетъ, «не смотря на всѣ жестокія гоненія судьбы... Не только не жалеюся на мои несчастія, но еще радуюсь имъ: собственнымъ опытомъ узналъ я, что школа несчастія есть самая лучшая школа. Будущее не страшитъ меня».

Съ этой вѣрой въ себя Бѣлинскій началъ самостоятельную жизнь, не стѣсненную рамками оффиціальныхъ обязанностей къ университету или другому начальству, и уже въ 1834 г. выступилъ въ литературѣ съ блестящей статьей «Литературныя мечтанія», выдвинувшей его сразу на первое мѣсто въ журналистикѣ. Впечатлѣніе этой статьи лучше всего передаетъ Панаевъ. «Начало этой статьи,— говоритъ онъ, — привело меня въ такой восторгъ, что я охотно бы тотчасъ поскакалъ въ Москву познакомиться съ авторомъ ея. Новый, смѣлый, свѣжій духъ ея такъ и охватилъ меня. Не оно ли, подумалъ я, это новое слово, котораго я жаждалъ, не это ли тотъ самый голосъ правды, который я такъ давно хотѣлъ услышать?» Съ этого момента Бѣлинскій уже являет-

ся признаннымъ цѣнителемъ въ литературѣ, къ голосу котораго прислушиваются и съ которымъ считаются. Литература всецѣло завладѣваетъ Бѣлинскимъ, вся жизнь котораго проходитъ среди интересовъ исключительно умственныхъ, въ страстномъ увлеченіи философіей, театромъ и журналичкой.

Еще въ университетѣ онъ сблизился съ кружкомъ лучшихъ студентовъ, группировавшихся около Станкевича. Съ другимъ кружкомъ, центромъ котораго былъ Герценъ, Бѣлинскій тогда не былъ такъ близокъ. Оба кружка въ то время нѣсколько враждовали, что особенно проявилось впоследствии. Кружокъ Станкевича, говоритъ г. Пыпинъ, «первоначально воспитывался прямо по философіи, выслушанной у Павлова и Надеждина, и, увлекаемый заманчивой перспективой рѣшеній для глубочайшихъ вопросовъ человеческой мысли, отдался исканію этихъ рѣшеній, пренебрегая всѣмъ остальнымъ, какъ ничтожнымъ въ сравненіи съ этими всеобъемлющими вопросами... Бѣлинскій, съ самаго начала увлекшійся поэтическими и отвлеченно-моральными интересами, рано присоединился къ кругу Станкевича; онъ встрѣчалъ здѣсь тѣ же стремленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ личность Станкевича произвела на него то привлекательное дѣйствіе, вліяніе котораго уцѣлѣло въ Бѣлинскомъ на многіе годы, и которое Станкевичъ производилъ вообще на всѣхъ, съ кѣмъ онъ сблизался».

Мы не будемъ распространяться въ настоящей біографіи-

ческой справкѣ о вліяніи Станкевича и его кружка на Бѣлинскаго. Вопросъ этотъ и слишкомъ большой, и слишкомъ сложный, чтобы уложить его на нѣсколькихъ строкахъ. Бѣлинскій былъ настолько богатая и сложная натура, что подчинить ее тому или иному вліянію было трудно. Въ сущности, онъ, какъ инструментъ, настроенный въ извѣстный тонъ, давалъ только отзвуки тому, что отвѣчало по высотѣ и настроенію его собственному душевному укладу въ данную эпоху его жизни. Въ этомъ отношеніи вліяніе кружка было дѣйствительно велико. Въ немъ онъ встрѣчалъ людей, стоявшихъ на одномъ съ нимъ уровнѣ по развитію, по стремленіямъ, по общему направленію мысли,— людей, хотя и уступавшихъ ему по творческой силѣ таланта, но превосходившихъ его знаніями и во всякомъ случаѣ не уступавшихъ ему въ пониманіи литературы, театра, философіи, такъ увлекавшихъ его тогда.

Кромѣ Станкевича, самыми видными были Константинъ Аксаковъ, Бакунинъ, Василій Боткинъ и Грановскій. Каждый былъ оригиналенъ, съ яркой индивидуальностью и особымъ темпераментомъ. Всѣхъ объединяло идеальное стремленіе къ свѣту, къ истинѣ, къ правдѣ. Понятно, въ этой атмосферѣ чистѣйшихъ помысловъ и чистѣйшихъ страстей Бѣлинскій не могъ не чувствовать себя, какъ рыба въ водѣ, жадно вбирая изъ каждаго то, что было роднымъ его душѣ. Больше всего онъ увлекался тогда философійей, въ которой, по свидѣтельству Тургенева, «мы всѣ искали тогда всего на

свѣтъ, кромѣ чистаго мышленія». А для изученія философіи въ кружкѣ были два компетентныхъ знатока – Бакунинъ и самъ Станкевичъ. Бѣлинскій, обладавшій замѣчательнѣйшей философскою организаціей, способной по основнымъ началамъ вывести самостоятельно всѣ логическія послѣдствія, превосходно воспользовался уроками этихъ вполне свѣдущихъ лицъ.

Въ кружкѣ Бѣлинскій хотя и не занималъ перваго мѣста, но и не уступалъ никому. Прежде всего огромный литературный талантъ выдвигалъ его на первое мѣсто въ литературѣ изъ среды его болѣе свѣдущихъ товарищей. Затѣмъ онъ превосходилъ всѣхъ энергіей чувствъ, искренностью убѣжденій и порывомъ, заставлявшимъ его въ каждый данный моментъ всецѣло отдаваться охватившему его настроенію и этимъ увлекать за собой всѣхъ. Все это вмѣстѣ и сдѣлало то, что изъ всѣхъ членовъ кружка именно Бѣлинскій явился въ литературѣ представителемъ богатаго содержанія кружка.

Этотъ періодъ въ жизни Бѣлинскаго былъ, пожалуй, самымъ свѣтлымъ. Молодость, богатство надеждъ, свѣжесть таланта создавали то настроеніе, которое Пушкинъ называетъ «минутами умиленія, младыхъ надеждъ, сердечной тишины и нѣгой вдохновенія», – и не давали чувствовать тяготъ бѣдности и скуднаго матеріальнаго положенія. Бѣлинскій работалъ все время, со всѣмъ пыломъ истиннаго вдохновеннаго журналиста, сначала въ «Молвѣ», потомъ въ «Телескопѣ» Надеждина, редактировалъ «Московскій Наблюдатель».

И матеріаль для его критической работы русская литература того времени представляла превосходный. Огонь, сжигавшій критика, находилъ для себя богатую пищу. Пушкинъ блисталъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, Грибоѣдовъ только что сошелъ со сцены, выступили Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, Полежаевъ и цѣлая плеяда меньшихъ боговъ. Бѣлинскій словно вводилъ ихъ въ русское общество, разъясняя сущность ихъ поэзіи, прививая любовь къ истинной художественности, выясняя фізіономію каждаго изъ этихъ талантовъ. Критикъ былъ достоинъ художниковъ, но и самъ учился у нихъ истинному пониманію красоты и правды. Борьба съ бѣдностью, однако, давала себя чувствовать, и безъ того не крѣпкій организмъ пошатнулся именно въ тотъ періодъ. Бѣлинскій захворалъ роковымъ недугомъ, сведшимъ его въ послѣдствіи въ могилу, и ѣздилъ на Кавказъ, гдѣ и оправился на время. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, именно въ 1839 г., Бѣлинскій переселился въ Петербургъ, гдѣ и начался второй, самый значительный періодъ его дѣятельности. Черезъ Панаева онъ вошелъ въ соглашеніе съ Краевскимъ, который купилъ тогда у Свинына «Отечественныя Записки» и организовалъ редакцію для нихъ. И здѣсь, благодаря наивной и дѣтской непрактичности Бѣлинскаго, матеріальное положеніе его было далеко не блестящее. За тысячу рублей въ годъ онъ взялъ на себя весь критическій и бібліографическій отдѣлъ журнала. Работа была, по словамъ Бѣлинскаго, «каторжная». Въ одномъ изъ писемъ къ невѣстѣ онъ заканчиваетъ слѣду-

ющей припиской: «вчера только отдѣлался отъ 10-ой книжки «Отеч. Записокъ». Мочи нѣтъ, какъ усталъ душой и тѣломъ: правая рука одервенѣла и ломить». На обязанности Бѣлинскаго лежалъ разборъ массы глупѣйшихъ книжекъ, которыми онъ долженъ былъ заниматься для ежемѣсячнаго обозрѣнія. Бѣлинскій сильно жаловался на эту скучную и неблагодарную работу. «Положительно тупѣю, – говорилъ онъ – строчишь, строчишь о всякой пошлости и одурѣешь».

Жизнь шла довольно однообразно, въ гости онъ не любилъ ходить, попрежнему часто бывалъ въ театрѣ, сильно волнуясь, если шла хорошая пьеса. До обѣда онъ писалъ, по вечерамъ собирался кружокъ близкихъ, шли безконечные споры или играли въ преферансъ, которымъ, какъ и всѣмъ, Бѣлинскій увлекался до страсти, причеиъ страшно волновался и кипятился. Объ этой его безобидной страсти есть нѣсколько показаній друзей. Вотъ что, наприиѣръ, рассказывалъ Кавелинъ объ игрѣ Бѣлинскаго: «Повѣрить ли читатель, что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оплачивалась рублемъ-двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ, и если ему везло, былъ веселъ и доволенъ; поставивъ нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мраченъ, жаловался на судьбу, которая его преслѣдуетъ, и, наконецъ, съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату». Видя его волненіе за картами, дру-

зья удерживали его, опасаясь за его здоровье, но Бѣлинскій сердился и отвѣчалъ на эти опасенія: «Что карты! Мое волненіе за картами пустяки; вотъ вредное для меня волненіе, какъ, напримѣръ, сегодня я волновался, когда мнѣ принесли листь моей статьи, окровавленной цензоромъ; изволь печатать изуродованную статью! Отъ такихъ волненій грудь ноетъ, дышать трудно».

Въ Петербургѣ Бѣлинскій сдѣлался центромъ, къ которому стремилось все, что было лучшаго въ тогдашней литературѣ. Нравственный его авторитетъ былъ всѣмъ признанъ. Кромѣ Панаева, очень близкаго къ Бѣлинскому въ то время, въ кружкѣ были Тургеневъ, тогда только начинающій писатель, Некрасовъ, Одоевскій, Соллогубъ, въ послѣдствіи Достоевскій, Анненковъ, Григоровичъ. Всѣ были молоды, увлекались, много спорили и часто зарывались. Бѣлинскій являлся среди нихъ самымъ зрѣлымъ, вполне сложившимся человекомъ, признаннымъ борцомъ за высшіе идеалы литературы. Подходя къ нему, всѣ «подтягивались», въ лучшемъ значеніи этого слова. Для нихъ онъ былъ «учителемъ», что прекрасно выразилъ Некрасовъ въ одномъ изъ задушевнѣйшихъ воспоминаній объ этомъ времени:

Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно поклонить колѣни!

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ – и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
«Чернорабочій я – не бѣлоручка!»
Говаривалъ ты намъ – и на проломъ
Шель къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва-ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

Не даромъ ты, мужая по часамъ,
На взглядъ глупцовъ казался перемѣнчивъ;
Но вредъ врагомъ заносчивъ и упрямъ,
Съ друзьями былъ ты кротокъ и застѣнчивъ.

Не думалъ ты, что стоишь ты вѣнца,
И разумъ твой горѣлъ, не угасая,
Самимъ собою и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя, —

То недовольство, при которомъ нѣтъ
Ни самообольщенья, ни застоя,
Съ которымъ и на склонѣ нашихъ лѣтъ
Постыдно мы не убѣжимъ изъ строя —

То недовольство, что душѣ живой
Не дать возстать противу новой силы
За то, что заслоняетъ насъ собой
И старцамъ говорить: «пора въ могилы!»

Въ 1848 году Бѣлинскій женился на Марьѣ Васильевнѣ Орловой, съ которой познакомился еще въ Москвѣ въ 1835 г. М. В. Орлова кончила курсъ въ одномъ изъ московскихъ институтовъ, нѣкоторое время была гувернанткой въ частномъ домѣ и затѣмъ поступила въ институтъ классной дамой. Ей было уже 31 годъ, когда она вышла замужъ. Сохранилась его переписка съ невѣстой, въ которой обрисовывается любящая и нѣжная душа Бѣлинскаго¹. Жена его была, по скуднымъ отзывамъ друзей, женщина добрая и любящая, но, повидимому, въ жизни великаго писателя не играла замѣтной роли. Черезъ годъ у нихъ родилась дочь (жива и теперь). Явилась новая забота, новые расходы, а матеріальное положеніе не улучшалось. Тяжесть необезпеченной жизни въ это время его жизни была ужасна. Въ запискахъ г-жи Головачевой есть много указаній на удручающую обстановку, при которой долженъ былъ работать Бѣлинскій. Удивительно и прискорбно, что друзья его, по большей части люди болѣе, чѣмъ обезпеченные, такъ мало заботились о немъ. Равнодушіе, съ какимъ окружающіе относились къ тяжелой нуждѣ Бѣлин-

¹ Выдержки изъ этой переписки помѣщены въ «М. В.» за 1896 г., июль, «На родинѣ».

скаго, просто поразительно. Послѣ его смерти, вдова его съ трехлѣтней дочерью осталась буквально въ нищетѣ...

Въ 1845 году Бѣлинскій разошелся съ «Отеч. Зап.». Онъ радовался полученной свободѣ и задумалъ рядъ «затѣй и предпріятій», въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояло изданіе сборника въ родѣ «Петербургскаго Сборника» Некрасова. Но эта затѣя по цензурнымъ причинамъ не осуществилась. Зато другое предпріятіе, которое задумалъ Некрасовъ съ Панаевымъ, новый журналъ «Современникъ» – удалось, и съ 1847 г. Бѣлинскій снова принялся за журнальную работу съ обычной силой и страстью. «Современникъ» въ умѣлыхъ рукахъ Некрасова сразу пошелъ прекрасно, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось къ лучшему и положеніе Бѣлинскаго. Но силы его уже были надорваны въ конецъ. По настоянію друзей онъ уѣхалъ за границу лѣчиться. Здѣсь онъ написалъ, между прочимъ, знаменитое письмо Гоголю изъ Зальцбрунна, излагающее какъ бы «исповѣданіе вѣры» Бѣлинскаго, – письмо, въ которомъ съ страшной силой выражены основныя воззрѣнія его на Россію, на жизнь общества и народа, на задачи и цѣли общественной борьбы². Оно явилось и его завѣщаніемъ: менѣ чѣмъ черезъ годъ Бѣлинскаго не стало.

Изъ-за границы онъ вернулся осенью 1847 года, мало по-

² Письмо цѣликомъ напечатано въ книгѣ г. Барсукова «Жизнь Погодина», т. IX. Въ значительныхъ выдержкахъ, составляющихъ почти все письмо, оно помѣщено въ «М.В.» 1897 г., май, «Осужденная книга».

правившись, и усиленно принялся за работу. Тутъ подо-спѣлъ роковой 48-й годъ, надъ литературой стали сгущать-ся все болѣе и болѣе грозныя тучи, и Бѣлинскій, больной, задыхающійся, которому и раньше было душно,— не выдер-жалъ; нравственныя страданія успѣшно помогли физическо-му недугу, и 26 мая 1848 года Бѣлинскаго не стало. Смерть для него явилась во время. Только по удостовѣренію врачей, что дни Бѣлинскаго сочтены, его оставили въ покоѣ. Уже въ то время, когда онъ не могъ ходить, его три раза «пригласа-ли» въ одно учрежденіе «познакомиться». Смерть избавила его отъ «знакомства» и отъ худшей для писателя участи: но-сились слухи, что Бѣлинскому предстояла высылка съ вос-прещеніемъ писать, а это было бы, несомнѣнно, хуже смер-ти для того, кто не понималъ для себя жизни безъ литерату-ры. «Умру на журналъ и въ гробъ велю положить подъ голо-ву книжку «Отъ. Записокъ». Я — литераторъ, говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіе-мъ. Литературъ рассейской моя жизнь и моя кровь», писалъ онъ въ частномъ письмѣ изъ Петербурга, и сдержалъ слово.

Прошло 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ закончилась эта жизнь, такая бѣдная внѣшними событіями, такая богатая внутреннимъ содержаніемъ и безпримѣрно плодотворная по результатамъ. Въ русской литературѣ не было болѣе чистаго образа, болѣе вдохновеннаго и страстнаго, неподкупнаго и искренняго борца за истину. Развѣ одинъ Добролюбовъ мо-жетъ стать съ нимъ въ одинъ уровень по красотѣ духовнаго

склада, но онъ жилъ такъ мало и во всякомъ случаѣ уступать ему по силѣ литературнаго таланта. Читая Бѣлинскаго, забываешь время, отдѣляющее насъ отъ него, до того подчиняетъ его страстная, художественная и порывистая рѣчь, волнующаяся, неудержимо стремительная и пылкая. Тайна чарующей прелести стиля Бѣлинскаго заключается въ подкупающей, проникающей до сердца искренности его. Такъ можетъ говорить только человекъ, свято вѣрующій въ правду того, что проповѣдуетъ. Панаевъ приводитъ одну сцену, въ высшей степени характерную для Бѣлинскаго. Рѣчь идетъ о статьѣ, относящейся еще къ тому періоду, когда Бѣлинскій стоялъ на почвѣ тезиса «дѣйствительность разумна» и въ то же время буквально почти умиралъ съ голоду.

«Лихорадочное увлеченіе, съ которымъ читалъ Бѣлинскій,— говоритъ Панаевъ,— языкъ этой статьи, исполненной страстной торжественности и напряженнаго паѳоса, произвелъ во мнѣ нервное раздраженіе. Бѣлинскій самъ былъ раздраженъ нервически. — Удивительно! превосходно! — повторялъ я во время чтенія и по окончаніи его:— но я вамъ замѣчу одно... — Я знаю что, — не договаривайте, — перебилъ меня съ жаромъ Бѣлинскій, — меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь предъ властью... Пусть ихъ! Я не боюсь открыто и прямо высказывать свои убѣжденія, что бы обо мнѣ ни подумали... — Онъ началъ ходить по комнатѣ въ волненіи. — Да! это мои убѣжденія, — продолжалъ онъ, разгораясь болѣе и болѣе. — Я не стыжусь, а горжусь ими... И

что мнѣ дорожить мнѣніемъ и толками чортъ знаетъ кого? Я только дорожу мнѣніемъ людей развитыхъ и друзей моихъ. Они не заподозрятъ меня въ лести и подлости... Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... они знаютъ это... Подкупить меня нельзя... Клянусь вамъ, Панаевъ, – вѣдь вы меня еще мало знаете... – Онъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мною. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся кровь прилила къ головѣ, глаза его горѣли. – Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ... Мнѣ легче умереть съ голоду – я и безъ того рискую эдакъ умереть каждый день (и онъ улыбнулся при этомъ с горькой ироніей), – чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, униживши себя передъ кѣмъ бы то ни было или продать себя»...

Правда этихъ словъ, подтверждаемая всей его жизнью, кристально-чистой, почти аскетической, только усиливала впечатлѣніе его статей. Первый признакъ неискренности это – измѣна таланта. Когда человѣкъ, не вѣря въ истину своего дѣла, распинается тѣмъ не менѣе за него, ему измѣняетъ его талантъ, если онъ былъ у него прежде, – чего никогда не бывало съ Бѣлинскимъ. Правда, его статьи второго періода лучше, полнѣе, слогъ опредѣленнѣе и глубже, что зависѣло отъ большей зрѣлости таланта, но по силѣ и горячности тона онѣ не выше. Въ обоихъ случаяхъ предъ нами все та же «наивная и страстная душа». И если теперь сильно впечатлѣніе, какое выносишь изъ чтенія Бѣлинскаго, можно представить, какое

вліяніе должно было имѣть его слово тогда, — по свидѣтельству Салтыкова, — «волнуя и утѣшая насъ и наполняя сердце наше скорбью и негодованіемъ и вмѣстѣ указывая цѣль нашихъ стремленій». Благоговѣйное чувство, какимъ проникнуты воспоминанія о немъ знавшихъ его лично, напр., Панаева и Тургенева отражаетъ это впечатлѣніе недостижимой нравственной высоты и непоколебимой силы убѣжденія, какое производилъ Бѣлинскій, какъ человекъ и писатель.

«Сколько счастливыхъ чистыхъ минутъ снова напомнятъ его статьи, — тѣхъ минутъ, когда мы полны были юношескихъ беззаветныхъ порывовъ, когда энергическія слова Бѣлинскаго открывали намъ совершенно новый міръ знанія, размышленія и дѣятельности! Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающаго, мы мечтали объ иныхъ людяхъ, объ иной дѣятельности и искренно надѣялись встрѣтить когда-нибудь такихъ людей и восторженно общались посвятить себя самихъ такой дѣятельности», — говоритъ Добролюбовъ, почти современникъ его и самый достойный замѣститель. «Да, — заканчиваетъ онъ, — въ Бѣлинскомъ наши лучшіе идеалы, въ Бѣлинскомъ же исторія нашего общественнаго развитія, въ немъ же тяжкій, горькій, неизгладимый упрекъ нашему обществу»...

Наивная и страстная душа.

Въ кося помыслы прекрасные кипѣли,

Упорствуя, волнуясь и спѣша,

Ты честно шель къ одной высокой цѣли;

Кипѣль, горѣль – и быстро ты угась!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ —
И мы тебя почтили въ добрый часъ!
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!
И съ дерева невѣдомаго плодъ
Безпечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила...

Въ послѣднихъ словахъ поэта, какъ и въ заключительныхъ словахъ Добролюбова, слышится горькій упрекъ по адресу русскаго общества, и много правды въ этомъ упрекѣ. Правда эта не въ томъ, что и до сихъ поръ нѣтъ памятника, достойнаго великаго писателя, — лучший памятникъ ему — это вся послѣдующая литература, которая и до сихъ поръ вѣрно держится намѣченнаго имъ пути. Эта правда лежитъ несравненно глубже, она заключается въ равнодушіи общества къ тѣмъ завѣтамъ, которыми дышалъ Бѣлинскій, ради которыхъ жилъ, какъ страстотерпецъ, и которыя завѣщалъ потомству, — она лежитъ въ равнодушіи къ принципамъ гу-

манности, свободы, просвѣщенія и борьбы во имя ихъ. Бѣлинскій самъ никогда не зналъ минутъ слабости и паденія, равнодушія къ жизни и разочарованія. Его вѣра двигала горами, воодушевляя въ мертвые дни той эпохи самыхъ равнодушныхъ и поддерживая готовыхъ упасть,

Многое, о чемъ мечталъ онъ, осуществилось, но еще больше осталось мечтою и до сихъ поръ. Дальнѣйшая работа въ томъ же направленіи, съ вѣрою въ непобѣдимую силу любви и свѣта и въ конечную побѣду ихъ надъ насиліемъ и мракомъ,— вотъ что завѣщаль онъ потомству, вотъ къ чему призываетъ насъ воспоминаніе о немъ. И теперь въ дни, посвященные памяти великаго мученика русской мысли, лишь одного можемъ мы пожелать, чтобы неумирающій духъ его ожилъ въ насъ, поднялъ надъ пошлостью современности, вдохновилъ своей вѣрой и любовью, объединилъ враждующихъ и направилъ къ общей дружной работѣ на благо народа, любить и жертвовать собой для котораго Бѣлинскій училъ и словомъ, и примѣромъ всей жизни.

Май 1898 г.

Годы перелома (1895–1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство «Міръ Божій», Спб., 1908